

станок и поставив его в Университете рядом с чучелами носорогов и других животных, принялись печатать первый «Вестник Председателей Земного Шара»¹¹⁵.

Радости моей не было конца, когда я смог пожать руку Велимира, слезы душили горло и я не мог произнести слова приветствия. Велимир сердечно тронут был моим волнением и мы дружелюбно смотрели друг на друга. Тут, кажется, я впервые узнал о его семейном положении и сестре художнице Вере Хлебниковой. Делился с ним своими изобретательскими делами, хотел объяснить принцип волнового полета, но Велимир упорно отклонялся от вникания в технические дела, говоря, что этот храм закрыт для него и он ничего не поймет. Тогда как я чувствовал родство своей технической мысли с его философией о мироздании и движении. Он стал посвящать меня в свои поэтические произведения, каждый раз давая при встрече новую рукопись для прочтения.

Так, за четыре месяца нашего общения я познакомился почти со всеми начисто переписанными материалами, которые можно было печатать.

Ко времени моего приезда Велимир был водворен в комнату Спасского, художника¹¹⁶, который скромно жил один без жены. И Велимир, постелив тулупчик на железную кровать, спал и работал сидя на ней. Денег не было, издательские дела шли плохо. Напечатано было только стихотворение в «Известиях» «Эй, молодчики купчики...»¹¹⁷.

То, что намечалось печатать Исаковым, никакого аванса дать не могло. Требовалось даже вложить деньги за бумагу. Но Велимир шел на все условия. «Мне, — говорил, — важно иметь сотню экземпляров печати, да себе 2—3 экземпляра».

И вот мы с Сережей, переписав на камень «Вестник», оттиснули ему, наконец, сотню экземпляров. Он был страшно доволен. «Вестник» был большого формата рисованный от руки на камне, был оригинален и ни на что из сущего в печати не похож.

Велимир к весне начал хворать. Персидская малярия давала приступы¹¹⁸.

Помню, я встретил его на дворе его дома. Я пришел со своей обычной корзинкой с обедом от Исаковых для Велимира. Его дома не было. Но по выходе из дверей я встретил его. Он шел в расстегнутом тулупчике, серый, с блуждающими глазами и трясущимся подбородком. Подмышкой папочка с рукописями. Снег шел большими хлопьями. «Есть письма — месь», — может быть, думал он и складывал: «Мой плач готов, и вьюга веет хлопьями... Я продырявлен копьями духовной голодухи...»¹¹⁹.

Пришли домой, в комнатухе холодно. Я принес в банке суп и кусок пирога. Получил это от Анны Осиповны с условием, что она будет давать обед, пока он болен. Пока донес обед с Арбата, он остыл. Но Велимир сразу принимается за еду... Он всовывает пирог в банку с супом, разминает ложкой и ест. Он не может жевать пищу, так как у него осталось несколько передних зубов, которые мешали жевать деснами, поэтому он предпочитал есть размяченную пищу.

Обычно мне давалась во время его обеда рукопись. Поев, Велимир усаживался по-турецки на свою железную кровать. На табуретке около чернила в баночке и бумага. Кладет папку на ноги и пишет.

Нас принимают как старых знакомых, вернее Велимира, и меня заодно с ним. Усаживают, дают чай. Расспросы о житье-бытье. Велимир молчит. Я рассказываю, что неважно, а тут еще малярия навещает, что весьма ухудшает положение моего друга. Идут вопросы ко мне, но обращенные к Велимиру, и я на них отвечаю, стараясь напомнить Абику, что пора бы ему вспомнить о его долге. Что это было бы весьма кстати, но он и глазом не моргнул на этот счет. Стали говорить об издательских делах и я говорю, что кое-что намечено к изданию и даже собираемся издавать законы времени — «Доски судьбы».

Абих был сослуживцем Велимира по персидскому фронту, там он и присвоил золотые туманы Велимира. Идя домой, я говорю Велимиру, что Абих подлец, у него это на лбу написано. Велимир добавляет: «Да, это так, он одного пленного перса отправил с фронта в тыл, вручив ему письменное приказание о том, что по прибытии его в направляемую часть, он был бы расстрелян. Но тот, не будь дураком, узнал о содержании бумаги и скрылся».

В это время мы с Сережей Исаковым занялись печатанием на литографском станке первого номера «Вестника Председателей Земного Шара». Я нарисовал текст на корнпапире, Сережа изучил где-то способ перевода и закрепления его на камне. Отретушировали срывы и неудачи и тиснули сотню экземпляров. Захватываю десяток лучших оттисков и отправляюсь к Велимиру. Он дома пишет. Его глаза улыбаются при виде «Вестника». Разворачиваю, показываю. Есть досадные ошибки в формуле и лишнее слово в стихах «отречения», которое он забыл зачеркнуть, переписав с новой строки, а я не понял и все переписал. Получилось трижды повторенное слово. Вот что значит — не писатель и излишняя робость. Но Велимир успокоил: «Это ничего, пустое».

Велимир сам моет свое белье под краном и вешает на железную кровать. Я говорю ему, чтобы он давал все белье мне, у Исаковых постирается. Во время отлучки Велимира из комнаты Спасский мне говорит, что у Велимира что-то произошло с Маяковским. Я предложил Велимиру пойти к Брикам сегодня же. Он просто согласился, будто бы ничего и не произошло. И я, не спрашивая его ни о чем, пошел с ним.

Вошли, прислуга пустила как знакомых в сени. Стучусь в дверь. Маяковский спрашивает: «Кто там?». Я вхожу. Меня приветливо встречают. Не замечаю, что я вошел один, а Велимир остался за дверьми. Я говорю, что пришел не один, что со мной Велимир. «А, Витя, — говорит Маяковский. — Заходи. Что ты там застрял». Велимир входит, сутулясь, с поднятым воротником пиджака, как обычно пряча бельевое одеяние. Общий кивок всем и затем уединяется. Но тут уже накрыт длинный стол. Гости, вино (впрочем, не помню, было ли вино). Были жареные утки — помню. Велимир садится за поперечное крыло стола, на другом конце стола Маяковский. Гости — Асеевы и еще кто-то. Я не сажусь за стол, уверяя, что обедал, но принимаю участие в разговорах.

Маяковский замечает мне, что Велимир пополнел. «У Велимира отекает, опухшее лицо, — говорю я, — и считать это явление здоровой полнотой — ошибка». Разговор пе-

переходит на другую тему. Велимир молча ел все, что ему давали. От сладкого не отказался и я.

После обеда столы освободились. Поставили рулетку. Маяковский один забавляется с ней, пуская шарик на вертелку. «Ну, выполняйте играть», — наконец говорит он. Мы с Велимиром сидели за чайным столом, услаждаясь кусочком сладкой булки.

Оксана Асеева вертелась перед большим зеркалом. Она распустила свои рыжие, как лисий хвост, волосы и их расчесывала. Вечер потек мирно и тихо. С тем мы разошлись по домам. «Вы действуете умиротворяюще...» — заметил мне Велимир.

Два-три дня мы не видели Велимира. Приходит к Исаковым Всеволод Шманкевич (писатель) и спрашивает меня. Я выхожу к нему и он пулеметной речью объясняет, что Велимир заболел — малярия и находится у Куфтиных, которые просили мне об этом сообщить и просят навесить больного. Я обещал сейчас же пойти туда по данному адресу. Тут же Шманкевич доложил, что он уже хлопотал о Велимире перед Луначарским и еще что-то, но зачем и почему мне осталось неясно.

Я отправился к Куфтиным на угол Бронной улицы. Там в одной из многочисленных отдельных ячеек-комнат жили Куфтины. Велимир сидел в кресле и, видимо, припадок у него прошел. Молодая жена Куфтина, врач по образованию, но оставившая эту профессию, занималась музыкой и пением. Куфтин, тогда молодой профессор, приязненно относился к Велимиру. Они приютили больного, но вот уже ему лучше и он отправляется к себе. Меня просят его навещать и сами обещают это делать. Очевидно, они уже бывали у него и знают его обстановку, далеко не подходящую для больного, но все-таки он водворяется домой. Мне совершенно не известны обстоятельства их быта и я не смею ни на чем настаивать. Также не смею просить Исаковых положить к себе больного. Они знают обо всем, но этого не предлагают. Остается Велимиру идти к Спасскому в подвальную комнату, сырую и темную, лечь на железную кровать без матраца и подушки.

Я отправился к Исаковым и просил, чтобы они дали подушку. У них нашлась подушка, суровая верно, но все-таки подушка, и с ней и пищей я отправился к Велимиру, который должен быть уже дома. И действительно, он был дома. Разостлав белье и рукописи, завернувшись в тулупчик, не раздеваясь он лежал на кровати.

Велимир сказал, что он хотел бы послать в Астрахань матери немного денег. У нас было денег только на восьмушку чая, данные Маяковским 4 рубля. Велимир просил послать половину матери Екатерине Николаевне. «Тогда, — говорит, — у меня развяжется узелок».

Екатерина Николаевна получила эти деньги с письмом на переводе, в котором я извещал ее о болезни сына. Это послание потом оказалось последним приветом от сына. Эти два рубля ей не нужны были, но она понимала, что послано потому так мало, что и такие деньги у Велимира бывали редко.

Существование его протекало на подачках приятелей-друзей. Я снабжал его табакосамосадам, привезенным из деревни, и зажигалкой. Приносил обед от Исаковых часто, но

не каждодневно. Видел, что ему еще приносили кое-что съедобное, однажды даже вижу — стоит полбутылки водки на полу у кровати. Это Куфтина принесла. «Хотите выпить...» — весело предложил Велимир. Нет, не пью. И действительно, я тогда воздерживался от алкоголя. Но Велимиру было не вредно выпить от малярии.

Как-то в моем присутствии заходит к Велимиру Крученых, который на этой же лестнице этого дома получил во владение комнату¹²⁴. Велимир сидел в дальнем углу в холщовом кресле Спасского. Я стою с вошедшим Крученыхом у дверей. «Ну что, как Витя?» — обращается он ко мне. Я рассказываю о ходе болезни. Он ободряюще обращается к Велимиру, при этом прибавляет: «Мы с тобой много натворили дел и немало еще совершим славных побед». Попрощался со мной и ушел. Велимир сидел неподвижно и никак не реагировал на присутствие Крученыха, будто бы он и не приходил. Я понял, что появление его ему неприятно и тоже изгнал его из нашего употребления.

Я был свидетелем встречи Велимира с Каменским. Мы шли по Мясницкой. Я нес экземпляры «Вестника». У магазина резиновых вещей мы повстречались. Я впервые вижу Каменского. Показываем «Вестник». Велимир приветливо и ласково называет его Васей, предлагает купить экземпляр, чтобы покрыть расходы, кем-то произведенные на это дело. «Ну вот, купи! Мне — и купи! Разве я тебе не давал денег?». «Ну, как хотите. Это не обязательно», — говорю я. Но он полез в карман, выгреб какую-то мелочь бумажную и сунул Велимиру. Мы пошли дальше... Для меня было ясно, что со стороны Каменского Велимир не имел ничего злого, отношения их были простые, теплые, но грубоватые безнадежно.

Велимир чувствует себя лучше, сегодня бродит по комнате. Мне дает читать рукопись из «Досок судьбы». Я туго воспринимаю формулы, пытаюсь их решать. Говорю ему, что тут я неуверенно себя чувствую. Он проверяет мои познания по математике. «Два в первой степени — сколько будет?». Отвечаю: «Два». «Правильно. А в нулевой?». Отвечаю: «Ноль». «Нет, единица». «Что означают числа времени в степенях?». Я молчу. Он за меня отвечает. Берет спичечную коробку, показывает ее рубашкой вверх и говорит: «Это плюс», — и дно: «Это минус». Кладет на стол «плюс» наверх и затем переворачивает один раз, сверху «минус», и другой — опять сверху «минус». «Это число “два”. Теперь число “три”, — поворачивает коробку, лежавшую “плюсом” сверху один раз, — получилась “минус” сверху, два раза — “плюс” и третий раз — сверху “минус”. Был “плюс”, но под действием тройки пришел “минус”. Таково развитие формы во времени». «Очень просто, — говорю, — и понятно, но я подозреваю тут не простые вещи». «Да, тайна первых трех не проста, но она будет раскрыта». <В записях,> которые должны быть отнесены к статьям «Досок судьбы» есть коротенькая записка «О тайне первых трех»¹²⁵, которая должна быть приведена в ясность.

После такого урока мне хотелось отложить дело решения формул, занявшись ими на досуге в одиночестве, но Велимир просил их решать при нем — «не лениться». «Это вам

Настало пасхальное время. У Исаковых оживление. Достали творог и сооружается творожная пасха. Я сделал для нее форму четырехгранной пирамиды, на каждой стороне которой вытеснены эмблемы вер: христианский крест, буддийский — след Будды, магометанский — серп месяца и будетлянский — ветви двоек и троек¹²⁷. Было вино — всем по маленькой рюмочке — и пирог. Стараниями Анны Осиповны Велимир сидит в чистом белье по обыкновению с поднятым воротником пиджака. За столом острит Петр Константинович, идет мирная праздничная при солнечном дне за большим столом со скатертью еда. Потом закурили, пили чай. Хороший был день в это ненастное время. Ах, если бы побольше таких деньков было в то время и все было бы иначе.

Я принес Велимиру ветки вербы, которая появилась на улицах города. Он же привязал перо к ветке вербы и написал статью: «Перо на ветке вербы», черновик которой напечатан в собрании сочинений¹²⁸. Беловик тоже имеется, но я пока воздержался его показывать, так как надо еще заслужить, чтобы получить ту награду, к которой я был в ней представлен Велимиром.

Но вот художник Спасский, с которым жил Велимир, просит его оставить комнату, так как к нему приезжает жена.

Куфтины пришли на выручку, поселили Велимира у себя. Сами уезжают.

Мы получили уже гранки набора «Зангези» и Велимир занят выправкой текста. Наборщики издевались и где только могли, изошряли свое остроумие. Так, например, «Перун и Изанаги» они набирают «Пердун из заноги». Или слова от корня мочь-могу они набирают от корня «моча» — мочиться. И все в таком роде, тяжеловесно и грубо. Велимир ни словом не обмолвился на эти выходки. Гранки были выправлены и конец в «Зангези» утвержден.

Велимир хочет уехать в Астрахань. Денег нет нисколько и добыть их не представляется возможным. Тут я получаю отпуск из Пуокра и бессрочный. Я мог уехать из Москвы в деревню к жене, которая жила самостоятельно учительницей при своем огороде и с коровой. Но как оставить Велимира полуждорового, когда круг возможностей приюта и питания сужается с каждым днем? А потом — где и как я найду его и чем пробьюсь сам? И я решил предложить ему ехать со мной на две недели в деревню Новгородской губернии, а потом ехать с ним в Астрахань, или ему одному, как придется.

Проезд по Николаевской железной дороге до станции Боровенка интendant Ментов предоставляет бесплатный. Велимир соглашается. Делаем сборы. Я продаю кое-какие вещицы, чтобы побольше закупить еды в виде селедок, сахара. Но нужно брать как можно меньше вещей, так как от станции Боровенка до села Санталова 40 верст, которые нам нужно пройти, не торопясь.

Велимир собирает свой мешок рукописей и переносит со мной на Даев переулоч, дом 9, к родным жены, откуда мы должны двинуться на вокзал. Мешок с бельем и мешок с рукописями оказались очень тяжелыми. С таким грузом идти нельзя. Белье нужно взять — там помогут и почистят женщины. Рукописи предлагаю оставить в Даевом переулке, где они, конечно, будут в полной сохранности до его скорого возвращения. Вели-

портрета В. Хлебникова: «А вы видели Хлебникова живого? Сумрачнее этого не бывает и медленно шагает высокий крепко сшитый человек в длинном сюртуке, а голова устало повисла на грудь и виден только гигантский высокий лоб с вертикальной морщиной, подойдя ближе, вы рассмотрите и свежие детские глаза неизвестно куда смотрящие, а потом бесполезную улыбку отвислых губ. Заглянув в рот, заметите острые черные зубы. Могилой зияет его рот» (цит. там же, с. 4).

102. Поэма «Уструг Разина» (1921, 1922) в сокращенной редакции была напечатана в журнале «Лэф» (1923, № 1, с. 58–60).

103. Здесь перечислены главным образом не найденные или утраченные произведения В. Хлебникова. «Перун и Изанаги» — возможно, речь идет не об известном отрывке из поэмы «Азы из Узы» (1920): «Туда, туда, где Изанаги // Читала “Моногатори” Перуну», а каком-то ином произведении. «Семь крылатых» — проза, «Тринадцать в воздухе» — драма, «Пушкин» — статья или стихотворение, «Косое и третий» — статья конца 1915 — 1916 года, «Чикаго» — статья.

104. Стихотворение В. Хлебникова о А. Крученых публикуется по автографу, хранящемуся в РГАЛИ. Об издаваемых «Группой друзей Хлебникова» (то есть А. Крученых) выпусках «Неизданного Хлебникова» см. примеч. 98, раздел II.

105. Строки из стихотворения В. Хлебникова (СП. т. III, с. 25):

Мои друзей летели сонмы.
Их семеро, их семеро, их сто!
И после испустили стон мы,
Нас отразило властное ничто.
Дух облака, одетый в кожух,
Нас отразил, печально непохожих.
В года изученных продаж,
Где весь язык лишь «дам» и «дашь».
Теперь их грезный кубок вылит.
О, роковой ста милых вылет!
А вы, проходя по дорожке из мауни,
Ужели нас спросите тоже, куда они?

106. Вероятно, имеется в виду статья Н. Степанова «В. В. Хлебников. Биографический очерк»,

помещенная в издании «В. Хлебников. Избранные стихотворения» (Л., 1936, с. 5–77).

107. Сборник «Поэты-футуристы» так и не был издан.

108. Речь идет о книге В. Хлебникова «Стихотворения», которую Н. Степанов издал в 1940 году в Малой серии «Библиотеки поэта» в Ленинграде.

109. Издание произведений В. Хлебникова для Большой серии «Библиотеки поэта» Н. Степанову осуществить не удалось.

110. Имеется в виду выпуск «Неизданных произведений» В. Хлебникова, подготовленный Н. Харджиевым и Т. Грицем и все-таки изданный в 1940 году в Москве.

111. «Мое знакомство с Велимиром Хлебниковым» — раздел больших воспоминаний П. Митурича, куда вошли также главы о Вере Хлебниковой, летних поездках семьи Митуричей в 1936–1940 годах (см. наст. изд., раздел III). Воспоминания написаны в Москве в 1942–1944 годах. Печатаются с большими сокращениями по автографу.

Частично опубликованы в журнале «Наше наследие» (1997, № 39–40, с. 91–112).

112. В. Хлебников вернулся в Москву 28 декабря 1921 года, а до того был в Баку, в Персии и на Кавказе.

113. Об этом см.: Н. Пунин. Квартира № 5.

114. Следует уточнить, что В. Хлебников появился не у Бриков, а у В. Маяковского. См. примеч. 15, раздел II.

В. Хлебникова поселили в доме Вхутемаса (Мясницкая, 21).

115. «Вестник Председателей Земного Шара» — имеется в виду «Вестник Велимира Хлебникова». См. письмо В. Хлебникова П. Митуричу от 14 марта 1922 года в наст. изд., раздел II.

116. Художник Евгений Спасский был братом поэта Сергея Спасского, близкого футуристам.

117. «Тулупчик», на котором спал и работал В. Хлебников, был подарен ему В. Маяковским. Он упомянут в стихотворении «Не шалить!» («Эй, молодчики-купчики...»), которое было напечатано без названия в газете «Известия» (1922, 5 марта). Интересно, что там же было напечатано стихотворение В. Маяковского